

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

УДК 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-1

Аникина Т. В.

Словообразовательная структура фитонимической лексики в английском и русском языках

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт,
филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета
(г. Екатеринбург)
ул. Красногвардейская, 57, г. Нижний Тагил, 622031, Россия
E-mail: anikishna@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2020-3054

*Статья поступила 15 ноября 2018 г.; Принята 5 декабря 2018 г.;
Опубликована 31 декабря 2018 г.*

Аннотация. Мир растений представляет собой важный фрагмент языковой картины мира. Фитонимическая лексика отражает хозяйственную и культурную деятельность народа, систему ценностей национально-лингвокультурного сообщества, его миропредставление и миропонимание. В рамках доминирующей в последние десятилетия антропоцентрической парадигмы в языкознании настоящая статья, посвященная изучению фитонимического пространства английского и русского языков в сопоставительном аспекте, является актуальной. Однако на сегодняшний день мы не можем сказать, что фитонимика, представляющая собой интересный материал для исследований, изучена в полной мере. Цель данной статьи состоит в выявлении и описании структурно-деривационных закономерностей номинации фитонимической лексики английского и русского языков. В данной статье описаны и проанализированы основные способы образования фитонимов в языках (словосложение, суффиксация, заимствования), а также проведена классификация лексем по выделенным группам. Исследование закономерностей словообразовательных процессов, действующих в фитонимической лексике сопоставляемых языков, позволило выявить сходства и различия в номинации обозначенной лексики. Полученные результаты исследования могут использоваться при изучении лексикологии, лингвокультурологии, ономастики, а также при составлении терминологических словарей.

Ключевые слова: фитоним; фитонимика; сопоставительный аспект; заимствования; словосложение; суффиксация; языковая картина мира.

Информация для цитирования: Аникина Т. В. Словообразовательная структура фитонимической лексики в английском и русском языках // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, N 4. С. 3-13. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-1

Tatiana V. Anikina

Derivational structure of phytonymic lexicon in the English and Russian languages

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute, Branch of the Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg)
57 Krasnogvardeiskaya St., Nizhny Tagil, 622031, Russia
E-mail: anikishna@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2020-3054

Received 15 November 2018; Accepted 5 December 2018; Published 31 December 2018

Abstract. The plant world is an important fragment of a linguistic worldview. Phytonymical lexicon reflects the economic and cultural activities of the people, the value system of the national-linguistic and cultural community, its world view and world perception. The article is devoted to the study of phytonyms of the English and Russian languages in the comparative aspect, thus it is of current interest under the present anthropocentric paradigm in linguistics. However, we can't say that phytonymics is well studied. The aim of this article is to identify and describe the structural and derivational patterns in the nomination of the phytonymic lexicon of the English and Russian languages. The author analyzes and describes the main ways of forming phytonyms (composition, suffixation, borrowing), and provides a classification by the selected groups. The study made it possible to discover some similarities and differences in the derivational organization of phytonymical lexicon in both languages. The results of the study may be used in the study of lexicology, cultural linguistics, onomastics, as well as in the compilation of terminological dictionaries.

Key words: phytonym; phytonymics; comparative aspect; borrowings; composition; suffixation; linguistic worldview.

Information for citation: Anikina, T. V. (2018), "Derivational structure of phytonymic lexicon in the English and Russian languages", *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 3-13, DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-4-0-1

Введение. В соответствии с антропоцентризмом современной науки лингвистические исследования последних десятилетий осуществляются в тесной связи с человеком, его сознанием и мышлением, большое внимание уделяется изучению языковой картины мира, которая представляет собой совокупность зафиксированных в языке представлений народа об окружающей действительности на определенном этапе его развития. Язык, с одной стороны, формируя эту картину, одновременно с этим выражает и объясняет другие картины мира человека, которые посредством специальной

лексики, входя в язык, привносят в него черты человека, его культуры.

Особый интерес с этой точки зрения вызывает фитонимическая лексика, поскольку в номинации природных объектов, фиксирующих жизненный опыт человека, систему ценностей народа, процесс познания и освоения мира флоры, проявляются специфические черты национального менталитета.

С древнейших времен человек ощущал себя частью природы, на начальных этапах своего развития находился в полной зависимости от существования флоры, которая задавала внешние условия его бытия. Можно смело

утверждать, что и на данный момент природа, в частности растения, мыслится как значимая для человека сфера (Василенко, 2007: 46). Наши предки ценили и уважали природу: считалось, что нарушая первозданность флоры (выкорчевывая деревья, срывая растения), мы должны вымолить прощение у матушки-природы (Васильченко, 2002: 165). Взаимодействуя с природой, человек давал растениям наименования, во внутренней форме которых фиксируются представления о растениях, отражаются важные для опознания объекта признаки (Коновалова, 2000: 4). Эти наименования во всей своей совокупности, в свою очередь, формируют особую лексико-семантическую группу – фитонимическую лексику, которая, по утверждению Н. И. Коноваловой, выполняет не только номинативную, но и прагматическую, оценочную, экспрессивную и прочие функции (Коновалова, 2001: 57). Данная семантическая общность лексем заслуживает пристального внимания, т. к. по мнению З. И. Комаровой и Г. В. Хасаншиной, она является одним из древнейших пластов лексики (Комарова, Хасаншина, 2004: 29). Фитонимическая лексика отражает опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окружающей человека природы, включает в себе этнокультурную информацию, отражающую народное восприятие растительных реалий.

Теоретический обзор. Перед тем, как перейти к анализу отобранной нами фитонимической лексики, следует уделить внимание теоретическому аспекту ее изучения (дать определения понятий «фитоним», «фитонимическая лексика», «фитонимика»), а также проанализировать опыт исследования фитонимических единиц на современном этапе.

Термин «фитоним» явился неологизмом 70-х годов XX века (Шанский, 2002: 343), именно с этого периода данное понятие начало активно

использоваться в лингвистике. По мнению Ю. А. Дьяченко, в науке оформилось как узкое, так и широкое толкование обозначенного термина (Дьяченко, 2010: 11–12). Так, в работе А. В. Суперанской «фитоним» используется в качестве собственного индивидуального названия отдельного растения, а «фитонимика» (у автора – «фитонимия») рассматривается как часть ономастики – науки, изучающей собственные имена (Суперанская, 1973: 173– 189). В качестве примера автор приводит такие фитонимы, как *Дуб Чародеев*, *Царский дуб*, *Дерево Плача*. Стоит отметить, что уже в этой работе отмечается то, что слова, номинирующие растения, фиксируют процесс познания человека, отражают его картину мира. Автор указывает на то, что объекты растительного мира следует выделять в самостоятельную область исследования, так как они тесно связаны с традициями и верованиями различных эпох (Суперанская, 1973: 186).

В том же объеме рассматривает понятие «фитоним» Н. В. Подольская: «фитоним – собственное имя любого растения (*Маврический дуб*, *Дерево бедных*, *Мертвое дерево*)» (Подольская, 1978: 158). В результате активного употребления термина «фитоним» в 1990-х годах он был закреплен в этимологических словарях и представлен как «искон. сложение греч. *phyton* «растение» и оупта «имя, название», «название растения».

В научной литературе термины «фитоним», «фитонимика», несмотря на их активное использование, не получили однозначного общепринятого толкования. В нашей работе под термином «фитонимика» мы понимаем совокупность названий реалий растительного мира, а под термином «фитоним» – отдельное наименование дерева, травы, кустарника, цветка, ягоды и т. д.

Первый масштабный опыт систематизации фитонимов был осуществлен Н. И. Анненковым, так в ботаническом словаре под его редакцией

встречаются комментарии причин возникновения фитонимов. Например, происхождение диалектного названия «*Христово копьё*» русский ученый объясняет формой листьев с разрезными долями, словно истыканного копьем, «которым жиды кололи Христа», а «*бодяга*» названа так потому, что «подобно бодяге, употребляется на румяны» (Ботанический словарь ... , 1878: 7, 232).

Начало изучения фитонимической лексики связано с именем Ф. И. Буслаева, который во главу угла ставил культурологический аспект изучения. Так, он утверждал, что «...сама номенклатура народной ботаники ведет нас в период мифологический» (Буслаев, 2011: 17), обозначив связь между наименованиями растительного мира и духовной культурой народа. Исследование в том же аспекте было продолжено в работе М. Забылина «Народный цветник», в которой ученый подробно рассматривает отражение номинаций растений в русском фольклоре (поверьях, заговорах и оберегах, обрядах, обычаях). Так, если окурить ружье *травой колюкой*, то ни одна птица не ускользнет от выстрела, а если положить в брюхо убитой змеи три *вошебных горошины*, зарыть в землю и затем, когда вырастет цветок, срезать его в полночь и съесть, то можно обрести сверхспособность – читать мысли других (Забылин, 2014: 477-478, 480).

В. А. Меркулова исследует фитонимы (в частности дикорастущие съедобные травы, грибы и ягоды) в этимологическом аспекте, т. е. с позиций словообразовательной структуры, семантической мотивированности, закономерностей смысловых и формальных связей, объясняющих происхождение слова (Меркулова, 1967: 5). Автор подчёркивает, что один и тот же фитоним может иметь разные обозначаемые предметы, в чем проявляется особенность народных названий растений, которые не обладают признаком однозначности как в

лингвистическом, так и в лингвогеографическом плане.

В. В. Копчева, исследуя фитонимы в мотивационном аспекте в своей работе «Соотношение искусственной и естественной номинации (На материале названий растений)», выделяет объективные и условные признаки мотивации, при этом первые подразделяет на собственно объективные (форма, цвет, размер, общий вид растения, запах, вкус) и относительные (локативный признак, время активности растения, его воздействие на человека и животных) (Копчева, 1985).

В номинативном аспекте с аксиологических позиций дан анализ фитонимов (а также лексики, номинирующей животный мир) в работе Т. И. Вендиной «Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)». Нельзя не согласиться с исследователем, что изучение фактов словообразования в данном освещении позволяет проникнуть в глубинную систему ценностей того или иного народа, осмыслить значимость называемых реалий для носителей языка, дает ключ к пониманию этнической психологии того или иного народа (Вендина, 1998: 9–10).

Интересным явлением среди научных работ по фитонимии предстают так называемые «фитопортреты», или этноботанические заметки, посвященные анализу одного растительного образа, осуществленному в рамках лингвокультурологии. К примеру, В. Б. Колосова рассматривает место фитонима «*полынь*» в традиционной культуре славян и отмечает, что, несмотря на свои полезные свойства (растение использовалось славянами как отгонное и лекарственное средство), *полынь* противопоставляется фитонимам с положительной символикой (роза, базилик) (Колосова, 2004: 28).

Такое активное исследование фитонимики с точки зрения различных аспектов свидетельствует о значимости

фитонимической лексики как одной из первых древнейших лексических микросистем.

Из названий научных работ, посвященных исследованию растений, следует вывод, что они различаются не только аспектом изучения фитонимической лексики, но и географическим охватом отобранной фитонимов. К примеру, Н. И. Коновалова («Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира», «Словарь народных названий растений Урала»), проводит анализ принципов номинации растений на материале среднеуральских говоров. Подчеркнем, что в упомянутых трудах Н. И. Коноваловой делает акцент на культурной коннотации в семантике фитонимических единиц, отражающих связь с историей русского народа, его культурой и мировоззренческой системой.

Обзор работ по данному вопросу показал, что большая часть исследователей выбирают в качестве объекта фитонимы разноструктурных языков: так, Н. Ш. Ягумова, анализируя фитонимы и отфитонимические топонимы английского и адыгейского языков, дает им культурно-национальную интерпретацию (Ягумова, 2008); Ю. Н. Исаев объектом исследования выбирает фитонимы, функционирующие в лексической системе алтайских, финно-угорских, индоевропейских и кавказских языков, и посредством сопоставительного и типологического анализа определяет сходства и различия, проявляющиеся в картине мира (Исаев, 2015). Сопоставительное направление в изучении фитонимической лексики становится одним из наиболее перспективных на данном этапе развития языкознания, позволяющих выявить национальные специфические черты языковой картины мира народа. В этом аспекте мы согласны с точкой зрения многих исследователей, которые считают, что фитонимическая лексика представляет собой богатый источник информации о мировоззрении народа.

Но, несмотря на весь широкий перечень отечественных работ по исследованию, многоаспектному анализу фитонимической лексики, мы не можем утверждать, что фитонимика (особенно – английского языка) достаточно описана. В этом контексте мы полностью разделяем мнение В. Б. Колосовой, что «если наименования деревьев и кустарников проанализированы достаточно хорошо, то травянистые растения – несколько меньше» (Этноботаника: растения в языке и культуре, 2010: 18).

Результаты исследования.

Иллюстративной базой исследования стала выборка в количестве 385 слов (192 английских фитонима и 193 русских фитонима), составленная на основе специальных ботанических словарей и справочников садоводов: Ботанико-фармакогностический словарь; Ботанический словарь Н. И. Анненкова; Иллюстрированная энциклопедия растений Ф. А. Новака; Русско-английско-немецко-французско-латинский ботанический словарь; Сад, цветы (краткий справочник) К. М. Васильевой; Словарь народных названий растений Урала Н. И. Коноваловой.

При словообразовательном анализе фитонимической лексики, собранной методом сплошной выборки, все фитонимы, учитывая их структурные особенности, были разделены на две группы: однословные (простые и сложные) и составные наименования. К группе однословных номинаций нами были отнесены фитонимы, образованные путем заимствования и словообразования, к группе составных наименований – фитонимы, состоящие из двух и более лексических компонентов.

В английском языке однословные фитонимы составляют 58,3% лексем, из которых простыми являются 17,1%, сложными – 41,2%.

Корпус простых английских производных фитонимов представлен заимствованиями и следующими типами

словообразования: аффиксальное словопроизводство (а именно суффиксация), субстантивация и сокращение. В простых фитонимах, образованных при помощи суффиксации, в качестве производных аффиксов используются суффиксы *-age* (*lovage* «любисток»), *-et* (*burnet* «кровохлебка») и *-y* (*barley* «ячмень»). Они характеризуются непродуктивностью (на долю суффиксальных фитонимических единиц приходится всего 1,6%). Еще меньшей производительностью характеризуются субстантивация (*pink* «гвоздика», *everlasting* «цмин») и сокращение (*lily* < *Lilium* «лилия», *elder* < *elder berry tree* «бузина»), на долю каждого приходится по 1,0% от общего числа фитонимов, отобранных методом сплошной выборки. Что касается заимствований, то они представляют собой довольно широкий пласт лексики (в сравнении с производными однословными фитонимами), в процентном соотношении они составляют 13,5% слов. В качестве языков-источников заимствований фитонимической лексики в ходе исследования выявлены:

1. латинский: *gladiolus* «гладиолус» – лат. “*gladiolus*” (дикий ирис), *mimosa* «мимоза» – нов.-лат. “*mimus*”, *rose* «роза» – лат. “*rosa*” и др.;

2. греческий: *chamomile* «ромашка» – ст.-фр. “*camemile*” < лат. “*camomilla*” < лат. “*chamomilla*” < греч. “*chamaimelon*”; *narcissus* «нарцисс» – лат. “*narcissus*” < греч. “*narkissos*”; *acacia* «акация» – лат. “*acacia*” < греч. “*akakia*” и др.;

3. персидский: *jasmine* «жасмин» – фр. “*jasmine*” < араб. “*yas(a)min*” < перс. “*yasmin*”;

4. турецкий: *tulip* «тюльпан» – нем. “*tulpe*” < фр. “*tulipe*”, “*a tulip*” < тур. “*tülbent*”;

5. итальянский: *belladonna* «красавка» – ит. “*belladonna*” (букв. прекрасная дама).

Заимствования наименований растения, как правило, проходят несколько

ступеней, выделение начала вливания лексем в язык показывает, что заимствованные фитонимы в основном имеют греческие и латинские корни.

К сложным однословным фитонимам мы отнесли лексем, образованные при помощи словосложения. В корпусе однословных фитонимов данный способ номинации является самым продуктивным: с помощью него образовано 41,2% наименований растений. Исследования показало, что среди всех возможных типов словосложения (простое словосложение, словосложение с соединительной гласной/согласной, словосложение с соединительным элементом в виде предлога/союза, производное словосложение) для номинации английских фитонимов используются только два. Так, простым словосложением (или соположением основ) образовано 37,5% лексем:

henbane «белена» (букв. «курица» + «отрава»);

larkspur «живокость» (букв. «жаворонок» + «шпора»);

hawthorn «боярышник» (букв. «ограда» + «колючка»);

moor-berry «клюква болотная» (букв. «болото» + «ягода»);

foxglove «наперстянка» (букв. «лиса» + «перчатка»);

catmint «котовник» (букв. «кошка» + «мята»);

twin-flower «линнея» (букв. «близнец» + «цветок») и др.

Остальные 3,7% сложных лексем образованы словосложением с соединительным элементом в виде предлога:

lily-of-the-valley «ландыш» (букв. лилия-в-долине);

Jack-in-the-pulpit «аризема трехлистная» (букв. Джек-за-кафедрой) и др.

В числе сложных двукорневых фитонимов отмечено сохранение устаревшей основы *-wort-*, которая представляет собой древнеанглийское *goot* «корень» (встречается в 11 сложных

фитонимах, например, *dropwort* «таволга», *hazelwort* «копытник», *glasswort* «солянка» и др.).

Фитонимы, составляющие группу составных наименований, включают в себя 41,7 % лексических единиц от общего числа фитонимов. Взяв за основу семантическую цельность, внутри данной группы мы выделили семантически членимые (или свободные) и семантически нечленимые (или связные) составные наименования (при этом если первые при делении составной лексемы на части сохраняют семантику «растение», то вторые это значение утрачивают).

Семантически членимыми оказались 16,2% фитонимических лексем:

evening primrose – «ослиник» (букв. вечерняя примула);

snake's-head fritillary – «рябчик шахматный» (букв. змееголовый рябчик);

rubber plant – «фикус» (букв. резиновое растение);

ice plant – «хрустальная трава» (букв. ледяное растение);

great northern aster – «астра умеренная» (букв. великая северная астра);

sweet scented bush – «каликантус» (букв. сладкий душистый кустарник).

К связным составным наименованиям мы отнесли 25,5% фитонимов:

sweet gale – «мирт болотный» (букв. душистая буря);

blazing star – «лиатрис» (букв. полыхающая звезда);

four o'clock – «мирабилис» (букв. четыре часа);

pigeon wings – «клитория» (букв. голубиные крылья);

adder's tongue – «синяк обыкновенный» (букв. язык гадюки) и др.

Исследование показало, что английские фитонимы-словосочетания являются двухкомпонентными (*cupid's dart* «катананхе»), трехкомпонентными (*great northern aster* – «астра умеренная»), четырехкомпонентными (*white lotus of Egypt* – «египетский лотос»), пятиком-

понентными (*jump-up-and-kiss-me* – «анютины глазки») и шестикомпонентными (*Jack-go-to-bed-at-noon* – «козлотородник луговой»).

При анализе английской фитонимической лексики, представленной в выборке, было выявлено, что некоторые лексические единицы совмещают в себе несколько способов номинации: словообразовательную номинацию, метафору и создание составных наименований с одновременным метафорическим переносом. В связи с этим мы считаем целесообразным разделить все производные фитонимы (т. е. все, исключая заимствования) на две группы: образованные чистыми способами номинации и совмещающие разные способы номинации. Так, к образованным чистыми способами номинации нами было отнесено 32,8% фитонимов: *sea-lavender* – «кермек», *wild olive* – «маслина дикая», *wallflower* – «лакфиоль», *bird-cherry* – «черемуха» и др. Образность, формирующаяся в следствие совмещенного с метафорой способа номинации, присуща 53,7% лексем: *flame nettle* – «колеус», *ox-eye daisy* – «ромашка», *snap-dragon* – «львиный зев», *arrowroot* – «маранта», *unicorn-plant* – «мартиния», *butterfly-pea* – «клитория», *hare's-foot* – «клевер пашенный» и др.

В том же словообразовательном аспекте проанализируем фитонимическую лексику русского языка. В представленной выборке обнаружено 74,1 % односложных наименований и 25,9 % составных наименований.

Заимствования представляют собой значительное количество анализируемой лексики – 23,3%. Фитонимическая лексика пришла в русский язык из таких языков, как:

6. греческий: *азалия* – греч. “azaleos” сухой, *амарант* – греч. “amarantos” увядающий, *крокус* – нем. “krokus” < лат. “crocus” < греч. “krokos” и др.;

7. латинский: *гладиолус* – лат. “gladiolus” небольшой меч, *примула* – лат. “primula” первая, начальная, *резеда* – фр. “réséda” < лат. “resēda” и др.;

8. французский: *топинамбу* – фр. “topinambour” – по названию индейского племени топинамбу, *петуния* – фр. “pétunia” и др.;

9. итальянский: *капуцин* – ит. “cappuccino” < “cappuccio” капюшон и др.;

10. португальский: *ипекакуана* – порт. “ipêcacuana”;

11. турецкий: *тюльпан* – фр. tulipan < ит. tulipano < тур. Tülbend тюрбан.

Отметим, что из 45 лексем нашей картотеки 19 слов – опосредованные или косвенные заимствования. В ходе анализа этимологических словарей было выяснено, что языками-посредниками являются французский, немецкий, итальянский и польский языки. Заимствованная фитонимическая лексика попала в русский язык переходя из одного языка в другой.

Среди простых русских производных фитонимов, помимо заимствования, обнаруживаются следующие способы номинации: словообразование (суффиксальное и приставочно-суффиксальное), сращение и сложение.

Суффиксация явилась очень продуктивным способом образования наименований растений – с помощью данного типа образовано 36,3% лексем. При этом наблюдается широкий спектр производных суффиксов: **-ник-** (*пустырник* ← пустырь, *ладанник* ← ладан, *майник* ← май, *зольник* ← зола и др.); **-к-** (*солянка* ← соляной, *живучка* ← живучий, *ноготки* ← ноготь, *хохлатка* ← хохлатый и др.), **-ик-** (*желтушник* ← желтушный, *ключики* ← ключ, *язвенник* ← язвенный и др.), **-ниц-** (*купальница* ← купаться, *печёночница* ← печёнка и др.), **-анк-** / **-янк-** (*мыльнянка* ← мыльный и др.), **-евик-** (*змеевик* ← змей и др.), **-чик-** (*рябчик* ← рябой, *баранчики* ← баран и др.) и ряд других суффиксов, послуживших производными для единичных примеров. Фитонимы в

количестве 3,1% единиц образованы *приставочно-суффиксальным* способом: *подъельник* ← ель, *поручейник* ← ручей, *перелеска* ← лес и др.

В ходе анализа фитонимической лексики русского языка выявлен неморфологический способ (а именно лексико-синтаксический) – *сращение*, которым образовано 1,0% фитонимов: *мать-и-мачеха*, *иван-да-марья*.

В корпусе однословных русских фитонимов обнаружены и те, которые образованы словосложением. Простым соположением основ образовано 2,6% фитонимов, например, *сон-трава*, *плакун-трава* и др. При помощи словосложения с соединительной гласной образовано 6,2% лексем: *желтокорень* ← желтый+корень, *златоцвет* ← златой+цвет (в значении цветок), *солнцецвет* ← солнце+цвет и др. Производным словосложением (в терминологии морфемики русского языка – аффиксально-сложным сложением) образовано 5,2% лексем: *зимолюбка* ← зима + любить, *песколюб* ← песок + любить, *камнеломка* ← камень+ломать и др.

Составные фитонимы также образовали широкий пласт фитонимического лексико-семантического поля русского языка: обнаружено 25,9% составных наименований. *Свободными* являются 8,8% составных лексем: *ипомея пурпурная*, *мертензия приморская*, *акация белая*, *вербейник монетчатый*, *мимоза стыдливая* и др. 13,5% фитонимов были отнесены нами к семантически нечленимым наименованиям: *желтый цвет*, *рвотный корень*, *Петров крест*, *медвежье ухо*, *раковые шейки*, *водяное перо* и др. Отметим, что все составные наименования (как членимые, так и нечленимые) состоят из 2 компонентов (т.е. словосочетания являются бинарными).

Как и в английском языке, производные фитонимы русского языка в словообразовательном аспекте обнаруживают в себе «чистые» способы номинации и совмещенные. Без

привлечения метафорического переноса образовано 40,9% фитонимических единиц: *луговой чай, подлесник, медуница, шиповник, молодило* и др. Совмещенными способами номинации образовано чуть меньше фитонимов – 35,8%): *сабельник, ужовник, хрустальная трава, меч-трава, адамово ребро* и др.

Проведенное исследование показало, что для английского языка характерно преобладание сложных фитонимов над простыми и нечленимыми составными наименований над членимыми. Если в отношении составных фитонимов в русском языке можно увидеть идентичное доминирование связанных составных наименований, то в отношении однословных фитонимических лексем прослеживается разница между сопоставляемыми языками (в русском больше простых однословных фитонимов, нежели сложных). Данный факт можно объяснить большей свободой образования слов в английском языке по сравнению с русским (в русском языке в процессе словосложения участвуют основы, в английском языке – основы и словосочетания).

Если говорить об общей склонности языка к однокомпонентности наименований, то можно утверждать, что в английском языке она выражена в меньшей степени, чем в русском. Так, если в английском языке однословных фитонимов больше, чем составных, в 1,4 раза, то в русском языке уже в 3,5 раза.

При сопоставлении простых фитонимов в словообразовательном аспекте обращает внимание на себя тот факт, что если для английского языка доминирующим способом номинации является заимствование, то для русского – суффиксация (заимствование на втором месте по репрезентативности лексем). Данный факт можно объяснить историческими причинами: англичане, присоединяя к себе множество колоний, устанавливали те или иные отношения с другими государствами (политические,

торговые, экономические) и не могли в ходе коммуникации с иностранцами, в процессе наблюдения, в частности, природных реалий других мест не перенять в словарный состав слова из языков, с которыми английский язык соприкасался; носители русского же языка, по-видимому, имели меньше непосредственных контактов с носителями других языков.

В ходе анализа составных фитонимов (как членимых, так и нечленимых) было обнаружено, что в русском языке составные наименования строго бинарны, в то время как составные английские фитонимы могут быть двух-, трех-, четырёх- и даже пяти- и шестикомпонентными. В этом видится неодинаковая тенденция к речевой экономии в сопоставляемых языках.

Таким образом, для более глубокого изучения лексико-семантической системы того или иного языка необходимо исследование отдельных ее фрагментов, одним из которых является фитонимическая лексика, в которой отражен многовековой путь познания народом мира природы. В данной работе нами предпринята попытка провести сопоставительное исследование англо- и русскоязычных фитонимов в словообразовательном аспекте. К перспективам исследования следует отнести рассмотрение анализируемой лексики в номинативном, лингвокультурологическом, этнолингвистическом и диахроническом аспектах.

Список литературы

Ботанический словарь: Справ. кн. для ботаников, сел. хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сел. жителей. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1878. 646 с.

Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 426 с.

Василенко О. И. Концептуализация мира растений как результат деривации фитонимов

// Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. №3 (3). С. 46-48.

Васильченко Л. П., Чуднова Н. А. Природа славян. Томск: ТГУ, 2002. 235 с.

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Изд-во «Индрик», 1998. 240 с.

Дьяченко Ю. А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е. И. Носова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010. 18 с.

Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 688 с.

Исаев Ю. Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках: Дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2015. 413 с.

Колосова В. Б. Полюнь // *Studia Ethnologica: Труды факультета этнологии.* СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2004. 325 с.

Комарова З. И., Хасаншина Г. В. Латинизированный семантический метаязык агрономии как способ научной концептуализации и категоризации фрагмента действительности царства растений // *Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность».* Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2004. С. 27-43.

Коновалова Н. И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001. 150 с.

Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург: УрГПУ, 2000. 235 с.

Копчева В. В. Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале названий растений): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985. 255 с.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М.: Наука, 1967. 259 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 201 с.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М.: Дрофа, 2002. 400 с.

Этноботаника: растения в языке и культуре СПб.: Изд-во «Наука», 2010. 385 с.

Ягумова Н. Ш. Фитонимическое пространство в языковой картине мира: словообразовательный и мотивационный аспекты (на материале английского и адыгейского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2008. 32 с.

References

Botanic dictionary: a reference book for botanists, village owners, gardeners, arboriculturist, pharmacists, doctors, druggists, travellers in Russia, and villagers (1878), Imp. Akad. Nauk, St. Petersburg, Russia. [in Russian].

Buslaev, F. I. (2011), *Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti* [Historical sketches of Russian national philology], Knizhnyy dom "Librokom", Moscow, Russia. [in Russian].

Vasilenko, O. I. (2007), Conceptualization of plant world as a result of phytomym derivation, *Al'manah sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], Gramota, Tambov, Russia. [in Russian].

Vasilchenko, L. P. and Chudnova, N. A. (2002), *Priroda slavyan* [The nature of the Slavs], TGU, Tomsk, Russia. [in Russian].

Vendina, T. I. (1998), *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian linguistic worldview through the derivation], Indrik, Moscow, Russia. [in Russian].

Dyachenko, Yu. A. (2010), *"Phytonymic lexicon in fictional prose of E. I. Nosov"*, Abstract of Ph.D. dissertation, Kursk State University, Kursk, Russia. [in Russian].

Zabilin, M. (2014), *Russkiy narod. Ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poehziya* [Russian nation. Their customs, traditions, rituals, superstitions, and poetry], Institut russkoj civilizatsii, Moscow, Russia. [in Russian].

Isaev, Yu. N. (2015), *"Phytonymic world picture in multi-structural languages"*, D. Sc. Thesis, Chuvash State University, Cheboksary, Russia. [in Russian].

Kolosova, V. B. (2004), *Polyn* [Wormwood] // *Studia Ethnologica: Trudy fakul'teta ehtnologii, Izdatel'stvo Evropeyskogo*

universiteta v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia. [in Russian].

Komarova, Z. I. and Hasanshina, G. V. (2004), “Latin semantic metalanguage of agronomy as a method of science conceptualization and categorization of reality fragment of plant kingdom”, *Problemy yazykovoy kontseptualizatsii i kategorizatsii deistvitel'nosti* [The problems of language conceptualization and categorization of reality], Yekaterinburg, Russia, 27-47. [in Russian].

Konovalova, N. I. (2001), *Narodnaya fitonimiya kak fragment yazykovoy kartiny mira* [Nation phytonymics as a fragment of linguistic worldview], Izdatelstvo Doma uchitelya, Yekaterinburg, Russia. [in Russian].

Konovalova, N. I. (2000), *Slovar' narodnyh nazvaniy rasteniy Urala* [The dictionary of folk names of plants in the Urals], UrGPU, Yekaterinburg, Russia. [in Russian].

Kopocheva, V. V. (1985), “The correlation of natural and artificial nomination (on the basis of plant names)”, Ph.D. Thesis, Tomsk State University, Tomsk, Russia. [in Russian].

Merkulova, V. A. (1967), *Ocherki po russkoy narodnoy nomenklature rasteniy. Travy. Griby. Yagody* [Sketches on Russian public nomenclature of plants. Grass plants. Mushrooms. Berries], Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

Podol'skaya, N. V. (1978), *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [The dictionary of Russian onomastic terminology], Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

Superanskaya, A. V. (1973), *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The general theory of proper names], Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

Shanskiy, N. M. and Bobrova, T. A. (2002), *Shkol'ny ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: Proiskhozhdenie slov* [School etimological dictionary of the Russian language], Drofa, Moscow, Russia. [in Russian].

Ethnobotany: plants in the language and culture (2010), Nauka, St. Petersburg, Russia. [in Russian].

Yagumova, N. Sh. (2008), “Phytonymic field in linguistic worldview: derivational and motivational aspects (on the basis of English and Adygei languages)”, Abstract of Ph.D. dissertation, Adygei state university, Maikop, Russia. [in Russian].

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Аникина Татьяна Вячеславовна, доцент кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, кандидат филологических наук.

Tatiana V. Anikina, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Candidate of Philological Sciences, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute.